русфонд/www.rusfond.ru

Александр Кабаков,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУСФОНДА, ПИСАТЕЛЬ

По национальному признаку

Такого блага не бывает

У полугодовалой девочки Хадижи тяжелый врожденный порок сердца. Операция ей необходима. Если не сделать ее немедленно, то… в общем, понятно. Бесплатно Хадижу не прооперируют — ее семья зарегистрирована в России, но не в Москве, значит, в московской Филатовской больнице, где ее берутся лечить, за операцию надо платить. Денег у родителей и родственников Хадижи нет.

И тут, конечно, появляется последняя надежда — Русфонд. Мы делаем наше обычное дело: пишем о больном ребенке и собираем деньги на больного ребенка.

Но ребенка зовут Хадижа, и потому история получает специфическое продолжение.

Любая наша публикация вызывает огромное количество откликов. Одни авторы писем в Русфонд — их большинство — выражают сочувствие страдающим детям и их родителям. Одновременно, как правило, сообщают о своих пожертвованиях на лечение… Другие — их тоже немало — сочувствие выражают, но вместо информации о пожертвованиях излагают свои исполненные гражданского пафоса соображения: лечить всех российских граждан обязано государство, а благотворительные фонды, собирая деньги с добрых людей, только способствуют государству в его пренебрежении здоровьем народа. Ни о каких пожертвованиях на лечение конкретных Маши или Вани, которые могут не дожить до идеального, тотально бесплатного государственного здравоохранения, тут, естественно, речь не идет. Речь идет о принципах, которые важнее детей. Есть такие люди, которым принципы важнее жизни — как правило, чужой.

Но наша публикация про Хадижу возбудила третью категорию среди тех, кто интересуется — теоретически — благотворительностью. Эти люди не против благотворительности вообще. Они просто за национальную благотворительность. Маше и Ване — пожалуйста, одобряют. А вот Хадиже — вы что там, в Русфонде, с ума посходили? Вы что, уже всех русских детей вылечили? Вам что, больше некому помогать, кроме ЭТИХ? Зачем они сюда приехали, чтобы СВОИХ детей в НАШИХ больницах лечить? А заодно — почему вы русскими стариками не занимаетесь, вместо того чтобы нерусским младенцам помогать?.. И так далее.

Особенно отличился один борец за русскую благотворительность для русских. Он от возбуждения прислал один текст раз пять или семь, подписав его разными фамилиями. Самая запоминающаяся — Иванов. Так вот, Иванов прямо пишет: если называется Русфонд, так и должен помогать только русским и никому больше. А может, смысл в том, что русские помогают всем остальным,— в эту голову такое, натурально, не пришло.

Читаешь — и за Ивановых обидно. Кто же в однофамильцы к вам навязался…

Сам подход «по крови» давно известен. Если бы еще приводил эрзац-Иванов традиционный антигастарбайтерский аргумент — мол, больницы строили не они, а мы, местные, за наши, местные деньги,— еще можно было бы спорить. Ведь строили все то, что работает, большей частью еще на общесоветские деньги, дед Хадижи так же на это пахал, как и любой русский дед… Но лже-Иванов (не хочу признавать за ним прекрасную русскую фамилию), как и другие авторы подобных писем, не опускается до подсчетов и вообще до здравого смысла. Ему просто не нравится, что девочку зовут Хадижа и что у нее узкие глазки. А на то, что семейство зарегистрировано в России, платит, как все мы, налоги и по всем иным официальным признакам ничем от нас, местных, не отличается, ему наплевать. Он не про это. Он у тонущего прежде всего спросил бы имя, отчество и фамилию, потом про бывший пятый пункт в советском паспорте, ныне отмененный, а уж потом решал бы, одобрять ли того энтузиаста, который спасать полез.

…Те, кто любому здравому подходу к чему бы то ни было предпочитает сугубо национальный, в конечном итоге губят не только тех, кому отказывают в человеческом отношении, но прежде всего свою страну и свой народ. Людоедство опасно не только для жертв, но и для самих каннибалов. В 45-м нацистская Германия своими развалинами это убедительно доказывала. Так что сторонникам национальной филантропии стоит быть осторожней…

А Хадиже денег, сколько требуется, уже собрали.

Теперь Колю Демина есть чем кормить

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

19 февраля в „Ъ“, на rusfond.ru и в эфире ГТРК «Ока» мы рассказали историю двухлетнего Коли Демина из Рязанской области («Есть, чтобы жить», Виктор Костюковский). У мальчика синдром короткой кишки, как следствие — дефицит роста и веса. Коле по жизненным показаниям необходимо парентеральное (внутривенное) питание, обогащенное микроэлементами и витаминами. От него зависит дальнейшее развитие ребенка. Рады сообщить: вся необходимая сумма (535 142 руб.) собрана. Марина, мама Коли, благодарит всех за помощь. Примите и нашу признательность, дорогие друзья.

Всего с 19 февраля 60 575 читателей rusfond.ru, „Ъ“, телезрителей «Первого канала», ГТРК «Курган», «Вологда», «Томск», «Ярославия», «Курск», «Амур», а также 148 региональных СМИ—партнеров Русфонда исчерпывающе помогли 27 детям на 19 777 793 руб.

полный отчет
http://www.rusfond.ru/**sdelano**

Любимчик-телепат

Двухлетнего Ваню Задружного спасет пересадка костного мозга

Все дети любимы. Пациенты детских больничных отделений любимы вдвойне. Онкологических и гематологических отделений — втройне. Даже упрямцы и вредины. Всем вокруг кажется, что без любви им не помочь, не вылечить. Но есть еще и особые любимчики, которых обожают свои и чужие мамы, врачи, медсестры и нянечки. Никто не понимает, почему так, чем они берут. Но все стараются лишний раз поговорить с ними, зайти к ним в палату даже без дела — просто так, посмотреть, подмигнуть. Вот и Ваня Задружный такой.

Ване необходима трансплантация костного мозга: при его лейкозе, отягощенном еще и хромосомной «поломкой», другого спасения нет
ФОТО ВАСИЛИЯ ПОПОВА

Болезнь у Вани проявилась в год, но никто еще не знал, что это за болезнь, и, как у нас водится, его почти три месяца лечили от вирусной инфекции. Потом только догадались, что нужно сделать анализ крови. Он и показал: миелобластный лейкоз, опаснейшее заболевание.

Маленькие — они ведь как: смотрят и ничего сказать не могут. Как их лечить? Но Светлана, Ванина мама, даже в те три месяца догадывалась: никакая это не инфекция. Ей это подсказывал… Ваня.

— А как хотите, так и называйте,— говорит Светлана.— По-моему, это самая настоящая телепатия. Правда! Вот почему, когда он мог еще только агукать и никто его не понимал, я одна понимала? Мне уже тогда все говорили: «Чего он хочет? Переведи». Переводила — и тут же ловила от него сигнал: правильно!

Все мамы больных ребятишек задумываются о причинах болезни. Горожане чаще всего подозревают плохую экологию: выбросы предприятий, выхлопные газы... Но Задружные живут в селе, да с таким названием, какое есть у сел и деревень чуть ли не во всех областях России, а то и в каждом районе: Кузнецово. Какая у них там экология? Пестициды и гербициды. Это только горожанам кажется, что они вредные. А в деревне-то как без них? В общем, деревенские мамы напирают на вред прививок. Вот и Светлана считает, что болезнь запустилась из-за них. Врачи убеждают: это совпадение, лейкоз просто проявился в это время, а в Ване он уже был. Как такое понять? Почему он в Ване уже был? Как он в Ване поселился? Наследственное? И давай Светлана перебирать всю родню со своей стороны и со стороны мужа Дениса. И давай подозревать тех предков, которые умерли по неизвестной причине. А у мужа в родне кто-то детдомовский был, там вообще наследственность — темный лес!

Зряшное это для мам дело — причины искать. Пусть этим ученые занимаются.

Из Костромской областной больницы, где у Вани обнаружили лейкоз, а заодно еще и вылечили пневмонию, их с мамой перевели в клинику Кировского НИИ гематологии и переливания крови. Вернее, перевезли: 600 км на реанимобиле. Вот какое было у Вани состояние. На грани. Начали химиотерапию, причем высокодозную.

— Ох и плохо же ему было! — вспоминает Светлана.— Это чувствовала не только я, но и все вокруг, даже когда он не плакал. Он ведь свою телепатию уже и на других распространял.

На меня тоже, причем заочно, с фотокарточки. Мне в июле прошлого года прислали из Кирова Ванино фото. Большущие глаза — ну будто вслух! — говорили: «Что это со мной? Надо же что-то делать».

А прислали мне вот почему. Русфонд вместе с несколькими организациями, в том числе и Кировским НИИ, создал Национальный регистр доноров костного мозга. К тому времени его доноры позволили провести уже больше 60 трансплантаций. А Ване нужна была именно трансплантация: при его лейкозе, отягощенном еще и хромосомной «поломкой», другого спасения нет. И родственного донора нет. Предварительный поиск показал совпадение с донором из нашего русфондовского челябинского регистра. И я уже размечтался, как буду об этом писать! Но… подтверждающее типирование донора выявило несовпадение по одному из показателей. Поэтому понадобился поиск в международном регистре. Так Ваня стал пациентом петербургского НИИ им. Р.М. Горбачевой, который имеет возможность искать доноров в международной базе.

Надо помочь семье Вани оплатить этот поиск, потому что он не оплачивается бюджетом. И лекарства, которые хорошо лечат, очень дороги. Денису и Светлане, жителям села Кузнецово, таких трат не потянуть. Они живут-то в маленьком однокомнатном доме вместе с родителями Светланы.

Любимая Ванина игрушка — трактор. У него дедушка — тракторист. А знаете, как Ваня трактор называет? Он ведь уже не только при помощи телепатии изъясняется, но и говорить начинает. Правда, пока еще очень нечетко. Так вот трактор он называет так: «Какал». Но тут уже не только мама, но и все его понимают. Смеются, но понимают. Безо всякой телепатии.

Виктор Костюковский,
Костромская область

КАК ПОМОЧЬ | **ДЛЯ СПАСЕНИЯ ВАНИ ЗАДРУЖНОГО НЕ ХВАТАЕТ 492 500 РУБ.**

Заведующий отделением НИИ детской онкологии, гематологии и трансплантологии им. Р.М. Горбачевой Кирилл Екушов (Санкт-Петербург): «Лейкоз у Вани диагностирован в марте 2015 года, тогда же были обнаружены множественные генетические «поломки». После лечения и химиотерапии достигнута ремиссия заболевания. Но тип лейкоза и наличие хромосомной аномалии говорят о неблагоприятном прогнозе болезни. Единственная возможность вылечиться — это трансплантация костного мозга. Поскольку у Вани нет родных братьев и сестер, необходим поиск неродственного донора в международном регистре. Также во время и после трансплантации потребуется мощная сопроводительная терапия препаратами, которые не обеспечиваются государственной квотой».

Стоимость поиска и активации донора и лекарств — 2 430 658 руб. ООО «Кредитэкспресс Финанс» внесет 400 тыс. руб. Читатели РБК соберут 1 507 158 руб. Телезрители ГТРК «Кострома» соберут 31 тыс. руб. Не хватает 492 500 руб.

Дорогие друзья! Если вы решили спасти Ваню Задружного, пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в Русфонд или на банковский счет Ваниной мамы — Светланы Анатольевны Задружной. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с банковской карты или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (*подробности на rusfond.ru)*.

Экспертная группа Русфонда

Где были мои глаза

Цена обретенного счастья

ОТЦЫ И ДЕТИ

В рубрике «Отцы и дети» специальный корреспондент Русфонда Артем Костюковский рассказывает о том, как складываются отношения родителей тяжелобольных детей. Сегодня мы публикуем историю Ирины С., пережившей смерть сына.

Я вышла замуж в 19 лет, очень наивная была, мало что понимала в жизни. Потом я часто спрашивала себя: как я вообще могла выйти за него, где были мои глаза? Черствость, равнодушие, измены. Развелись мы, когда нашему сыну Андрею было два года.

Бывший муж совсем не помогал, алиментов не платил, а подавать в суд я не хотела — не сторонница такого способа выяснения отношений. С сыном почти не общался, хотя Андрей к нему тянулся. Иногда забирал его, отвозил к бабушке с дедушкой, а сам телевизор смотрел или уходил куда-нибудь.

Андрей тяжело заболел в 13 лет: апластическая анемия. Его спасла бы трансплантация костного мозга, но не нашлось донора. Два года провела с ним в больнице. На лечение потратила все сбережения родителей, хватило бы на квартиру! И все это время ко мне каждую неделю приезжала сестра мужа с сумками продуктов, хотя зарабатывала она очень мало, жила в коммуналке. Даже какие-то деньги давала. А бывший муж вел себя так, будто не его сын болен тяжело. Я как-то спросила, почему он так равнодушен к Андрею, а он ответил: «Да я вообще хотел девочку, а ты мне сына родила».

За несколько дней до смерти Андрея бывший муж с той самой сестрой приехали навестить его в больнице. Так ей при виде племянника стало плохо, у нее случился микроинсульт, она попала в больницу. А отец в потолок смотрел. Сестра перестала с ним разговаривать. Навсегда.

Зла на бывшего мужа я уже не держу. Могу только пожалеть его.

Смерть сына я пережила очень тяжело. Была на грани помешательства. Единственная работа, которую мне с моим экономическим образованием можно было доверить,— мытье полов. И я мыла. А потом устроилась работать кассиром в магазин бытовой техники, там и познакомилась с Василием. Всерьез его не восприняла: он младше меня на семь лет, «ботаник», а я всегда влюблялась только в высоких, подтянутых, спортивных. Да и вообще мужчинам я больше не верила.

Но с Васей мне было интересно: он начитан, открыл мне целый мир, которого я не знала,— музыка, книги, музеи. Однажды мы плавали на кораблике и пошел дождь, Василий заботливо укрыл меня пледом. Я поняла, что бывают и другие мужчины. Мы начали сближаться, а потом стали жить вместе.

А спустя два года я решила удочерить Аню, тяжелобольную девочку. Я была волонтером в больнице, ухаживала за ней. И поняла, что не могу ее оставить. До этого у нас была размеренная жизнь: велопрогулки, кино, музеи, друзья. Но я честно сказала Васе: «На одной чаше весов ты, на другой — Аня. Прости, но Аня перевешивает. Я буду с Аней, а будешь ли ты с нами, решай сам».

И он решил быть с нами. Решил в самый тяжелый момент, когда у Ани возникли осложнения после трансплантации костного мозга. Не испугался, мгновенно влился, включился в нашу новую жизнь, не думал о себе. Вася, которого я считала «ботаником», оказался очень сильным. Были ситуации, когда я попадала в больницу, а Вася оставался с Аней. А потом он настоял, чтобы Аня взяла его фамилию. И отчество у нее теперь Васильевна.

весь сюжет
rusfond.ru/dads

Из свежей почты

Назар Куликов, 9 лет, задержка психоречевого развития, требуется курсовое лечение. 135 200 руб.
Внимание! Цена лечения 199 200 руб.
Телезрители ГТРК «Волгоград-ТРВ» соберут 64 тыс. руб.

До трех лет Назар не разговаривал, произносил только слово «мама». Рос замкнутым, гиперактивным и агрессивным. Я обращалась в различные медцентры, но лишь после лечения в Институте медтехнологий (ИМТ) состояние сына улучшилось. Огромное спасибо Русфонду за помощь в оплате лечения! Врачи ИМТ сотворили чудо: Назар заговорил, уже произносит простые фразы, учится по программе коррекционной школы, пишет буквы и считает до 20, собирает конструктор. Лечение нужно продолжать, но самой мне оплату не осилить — я одна воспитываю сына. *Наталья Киселева, Волгоградская область*

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Необходимо продолжить лечение. Нужно увеличить словарный запас и расширить кругозор Назара, улучшить память, развить диалоговую речь».

Настя Коловская, 13 лет, сахарный диабет 1-го типа, требуются расходные материалы к инсулиновой помпе. 101 157 руб.
Внимание! Цена расходных материалов на полтора года 136 157 руб.
Телезрители ГТРК «Тыва» соберут 35 тыс. руб.

В девять лет у дочки обнаружили сахарный диабет. С тех пор Насте требуются постоянные инъекции инсулина. Сначала его вводили шприц-ручкой несколько раз в день. Но стабилизировать уровень сахара не удавалось. Уже появились осложнения: ухудшилось зрение, ослабели мышцы ног, нарушился жировой обмен. В 2013 году благодаря вам Насте поставили инсулиновую помпу, после чего уровень сахара наконец-то нормализовался. Но сейчас расходные материалы заканчиваются. Сами купить их не можем, живем на небольшую зарплату мужа. Пожалуйста, помогите дочке! *Людмила Коловская, Республика Тыва*

Эндокринолог Детской городской больницы №1 Оксана Сивкова (Томск): «Чтобы предотвратить развитие осложнений, Насте необходимо продолжать помповую инсулинотерапию».

Полина Румянцева, 5 лет, расщелина неба, деформация губы, свищ, требуется многоэтапная хирургия. 299 тыс. руб.
Внимание! Цена операций 398 тыс. руб.
Телезрители ГТРК «Поморье» соберут 99 тыс. руб.

У Полины врожденное заболевание — расщелина верхней губы и неба, свищ на нижней губе и сросшиеся пальцы левой стопы. В восемь месяцев Полине зашили губу, но остались рубцы, уродующие девочку. Мы обратились в московский медцентр, где дочке провели пластику неба, начали ортодонтическое лечение. Но из-за остаточного дефекта неба пища попадает в нос, верхняя губа бесформенная. Зубы растут криво, речь из-за дефекта гнусавая. Я надеялась, что можно будет продолжить лечение по квоте, но теперь подобные операции проводятся платно. Очень прошу, помогите собрать нужную сумму! Я приемщица в химчистке. Муж — прораб на стройке. *Ульяна Щукина, Архангельская область*

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Необходимо продолжить лечение Полины: провести реконструктивную пластику губы и носа, затем удалить свищ на нижней губе».

Настя Бердиева, 2 года, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 181 750 руб.
Внимание! Цена операции 333 750 руб.
Компания Metro Cash & Carry внесет 50 тыс. руб.
Группа строительных компаний ВИС — еще 50 тыс. руб.
Телезрители ГТРК «Томск» соберут 52 тыс. руб.

Полгода назад педиатр услышал у Насти шумы в сердце. Диагноз стал для нас шоком. Я замечала, что Настя слишком быстро устает и много спит, но мне и в голову не могло прийти, что у малышки порок сердца, дефект межпредсердной перегородки! В НИИ кардиологии диагноз подтвердился, и врачи рекомендуют не откладывать операцию. Провести ее готовы щадяще, без тяжелого наркоза. Но платить за операцию нечем. Детей у нас двое, пособие — 560 руб. в месяц, муж подрабатывает на стройках. Помогите! *Галина Малышева, Томская область*

Детский кардиолог НИИ кардиологии кандидат медицинских наук Виктория Савченко (Томск): «Учитывая топику порока сердца и наличие признаков легочной гипертензии, Насте требуется эндоваскулярное закрытие дефекта межпредсердной перегородки. После щадящей операции Настя будет нормально развиваться».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 19.02.16–25.02.16

ПОЛУЧЕНО ПРОСЬБ — **24**
ПРИНЯТО В РАБОТУ — **16**
ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — **8**
ПОЛУЧЕНО ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — **7**

все сюжеты
rusfond.ru/**pomogite;** rusfond.ru/**minzdrav**

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РУСФОНДА

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в "Ъ“. Проверив письма, мы размещаем их в "Ъ“, на сайтах rusfond.ru, kommersant.ru, livejournal.com, в эфире «Первого канала», в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте» и «Одноклассники», а также в 148 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и телезрителям затея понравилась: всего собрано свыше 7,657 млрд руб. В 2016 году (на 25 февраля) собрано 193 898 891 руб., помощь получил 331 ребенок. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Русфонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник» за 2000 год. Президент Русфонда — Лев Амбиндер, лауреат премии «Медиаменеджер России» 2014 года в номинации «За социальную ответственность медиабизнеса».

Адрес фонда: 125315, г. Москва, а/я 110;
rusfond.ru; e-mail: rusfond@rusfond.ru.
Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.